

2. *Тутикова, С. Е.* Когнитивные модели некоторых видов тональности англо- и франкоязычного медиадискурса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 404–407.

3. *Руженцева, Н. Б.* Когнитивные модели как средство достижения иронического эхо-эффекта в разных формах дискурса: освещение украинских политических событий / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4 (50). – С. 82–89.

4. *Мельников, Г. П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г. П. Мельников ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 2003. – 393 с.

The article analyzes the phenomenon of ironic tonality in Belarusian and English-language artistic discourse. Groups of cognitive models of ironic tonality were distinguished and systematized. It has been established that the formation of ironic tonality is objectified through logical, genre-stylistic, associative, concealment and cultural models.

Поступила в редакцию 27.02.2020

Н. В. Егоров

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье устанавливаются семантические классы эмотивных лексических единиц, функционирующих в американском и белорусском научно-популярном дискурсе, определяется их частотность, выявляются сходства и различия в употребительности в дискурсе на двух языках. Выделены два основных класса эмотивов: состояния (радость, волнение, спокойствие, удивление, страх) и отношения (интерес, уважение). В количественном плане эмотивные единицы, выражающие положительные эмоции, преобладают в дискурсе на сопоставляемых языках. Сходства в употреблении эмотивной лексики выделенных групп в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках объясняются основной коммуникативной целью данного типа дискурса – популяризацией новых результатов научных исследований; некоторые расхождения обусловлены приоритетами в тематическом содержании дискурса в двух лингвокультурах.

Современное развитие лингвистических исследований характеризуется пристальным вниманием к пронизывающей весь язык субъективности, т.е. антропоцентрическому фактору. Человек, являясь центральной фигурой языка и главным действующим лицом мира, о котором он говорит [1, с. 5], в процессе речевой деятельности формирует эмоциональное отношение к своему окружению. Как отмечает В. И. Шаховский, человек «является Homo sentience, так как люди в своем общении не могут обойтись без эмоций» [2, с. 384]. Любой человек в процессе своей жизнедеятельности отталкивается от накапливаемого эмоционального опыта (эмоциональности), который во многом определяет его дальнейшее бытие. В таком случае уместно предположить, что в человеке все движимо эмоциями, что составляет мотивационную основу его деятельности [3, с. 208] и, как следствие, находят свое отражение в самом языке.

Антропоцентрический подход предопределил повышенный интерес лингвистов к вопросу эмоций и средствам их вербализации. В лингвистических трудах можно встретить различные определения эмоциональности. Например, Е. П. Ильин относит ее к индивидуально-устойчивым свойствам человека, характеризующим содержание, качество и динамику его эмоций и чувств [4, с. 234–235]. Со временем возникла необходимость «чётко разграничивать два подхода к определению категории эмоциональности: психологический и лингвистический, т.е. понимание эмоциональности как свойства субъекта или как свойства языкового знака» [5, с. 13–14]. Лингвистами был введен термин эмотивности как языковой категории в противовес эмоциональности как собственно психологической. По утверждению В. И. Шаховского, на языковом уровне эмоции преобразуются в эмотивность, поэтому эмоциональность – психологическая категория, а эмотивность – языковая. Эмоциональность отражает психическое состояние человека, в то время как эмотивность – это вербальное выражение эмоций говорящего [6, с. 13]. Для более четкого разграничения понятий эмоциональности и эмотивности мы будем придерживаться точки зрения Л. Ю. Буяновой и Ю. П. Нечай, согласно которой «эмоциональность, как инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, сфокусирована в большей степени на субъекте (это эмоции для себя). Эмотивность, как сознательная, запланированная демонстрация эмоций, направлена на объект (это эмоции для других)» [7, с. 203].

В настоящее время сформировалось отдельное направление исследований – эмотиология или лингвистика эмоций, изучающая отражение эмоциональных состояний в языке. Ввиду сложности и комплексной природы данного феномена в лингвистике существует ряд подходов к его изучению: лексикологический (В. Н. Гридин, И. Н. Худяков, З. Е. Фомина и др.), коммуникативный (Н. Д. Арутюнова, М. Д. Городникова, В. А. Маслова и др.), лингвокультурологический (А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, Ю. Д. Апресян и др.), семантический (Т. А. Графова, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.), стилистический (Э. З. Азнаурова, А. Г. Болотов, Т. В. Матвеева и др.), когнитивный (А. Г. Баранов, И. С. Баженова, Е. Книпкенс и др.).

В настоящей работе мы придерживаемся семантического подхода к категории эмотивности, в рамках которого основным средством вербализации эмоции признается лексика и исследуется компонентная структура значения слова. Эмотивным компонентом значения слова является та семантическая доля, с помощью которой языковая единица реализует свою эмотивную функцию [8, с. 9], в нашем случае делает возможным для адресанта выразить свое эмоциональное состояние или отношение к описываемому научному событию.

Фактическим материалом исследования послужили 200 научно-популярных статей информационно-аналитического характера из американских изданий «Popular Mechanics», «Popular Science», «Nature», «National Geographic», «The New York Times» и статей того же жанра из белорусскоязычных журналов «Родная природа», «Беларуская думка», газеты «Звезда» за период 2014–2019 гг. Исследование фактического материала проводилось с использованием ком-

плекса методов: компонентного и контекстуального анализа, а также количественного метода для выявления частотности реализации эмотивных средств языка в англо- и белорусскоязычном научно-популярном дискурсе. Целью данной статьи является установление классов эмотивных лексических единиц, определение их употребительности, выявление сходств и различий в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках.

В данном исследовании научно-популярный дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных общими целеустановками: «это популяризация среди широких слоев населения новейших достижений науки и техники; поддержание интереса к жизни научного сообщества; <...> вовлечение читателя <...> в жизнь сообществ, связанных с развитием науки и техники; глобальные цели организации всего мирового сообщества для решения междисциплинарных мировых проблем, включающих охрану окружающей среды, развитие образования, защиту прав человека, интенсификацию медицинских исследований и т.п.» [9, с. 43]. Рассматриваемый тип дискурса затрагивает многие стороны жизни современного человека и служит отражением национальной лингвокультуры.

Исследователь В. И. Шаховский формулирует понятие эмотивности как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции; имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения/состояния говорящих» [6, с. 24]. Исходя из данного определения, к эмотивным средствам следует относить лексические единицы, называющие, выражающие и описывающие чувства и эмоции. Хотя данные понятия не тождественны, вслед за В. И. Шаховским в нашем исследовании мы объединяем их в термине *эмоция*, в широком смысле определяемом как «душевное переживание, волнение, чувство, например, гнев, страх, любовь, презрение и пр.» [Там же, с. 49].

Лексические единицы в научно-популярном дискурсе, называющие эмоции, образуют лексико-семантическое поле эмотивности. Они отбирались на основе метода анализа словарных дефиниций, а именно, по наличию в них индикаторов *feeling, emotion, пачуцце, адчуванне, эмоцыя; condition, state, стан*. Общее количество анализируемых единиц – 229 для английского языка и 233 – для белорусского.

В результате анализа с опорой на вышеприведенное определение эмотивности установлены два класса единиц в лексико-семантическом поле эмотивности: эмотивы состояния и эмотивы отношения [10]. Выделение лексических единиц эмоционального состояния и отношения происходит с опорой на названия базовых эмоций (*страх, радость, волнение, спокойствие, удивление* – состояние; *интерес, уважение* – отношение) [11; 12; 13; 14].

С целью структурирования лексико-семантического поля эмотивности, представленного в анализируемых текстах научно-популярного дискурса на английском и белорусском языках, были выявлены особые эмотивные зоны –

микрополя. Последнее понимается как совокупность лексических единиц, объединенных наличием общего семантического признака, который связывает все единицы микрополя и выражается лексемой с обобщенным значением – идентификатором микрополя [10; 15].

Процентные показатели представленности микрополей эмотивных единиц в научно-популярном дискурсе на сопоставляемых языках приведены в таблице. Как показывают данные таблицы, эмотивные единицы микрополя «Интерес» преобладают в научно-популярном дискурсе на обоих сопоставляемых языках. Более высокая частотность эмотивов интереса в англоязычном (27,95 %) и белорусскоязычном (30,9 %) научно-популярном дискурсе обусловлена основной коммуникативной целью автора дискурса – популяризацией научных достижений, что достигается, в частности, через стимулирование интереса к ним со стороны широкой аудитории (таблица).

Частотность микрополей эмотивности в научно-популярном дискурсе, %

Название микрополя	Английский язык	Белорусский язык
Эмотивные единицы со значением состояния		
Волнение	20,09	7,3
Удивление	15,72	11,59
Страх	14,85	24,46
Спокойствие	9,6	2,58
Радость	9,17	14,16
Эмотивные единицы со значением отношения		
Интерес	27,95	30,9
Уважение	2,62	9,01
Всего:	100	100

Интерес – это «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями» [16, с. 213], в нашем случае, познавательными потребностями в передовом научном знании. Приведем примеры употребления эмотивов интереса на сопоставляемых языках: *But increasing **interest** in hair loss has led to new research that holds promise even for those already balding* ‘Но растущий **интерес** к проблеме потери волос привел к появлению нового перспективного исследования даже для тех, кто уже лысеет’¹ (Popular Mechanics, 04.2017); *... казаць пра масавае практычнае выкарыстанне вынікаў нашай работы пакуль заўчасна. Хоць некаторыя ведамствы ўжо сёння праяўляюць **інтарэс** да нашых даследаванняў. Генетычны аналіз мог бы істотна дапамагчы ім у адборы найбольш перспектыўных супрацоўнікаў* (Звезда, 22.03.2017).

Микрополе интереса объединяет слова с общим значением ‘интерес’. К данному микрополю относятся лексические единицы, в определении которых

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. Е.

есть ссылка на указанное чувство: *attention* – «the state of watching, listening to, or thinking about something carefully or with **interest**» ‘внимание – способность старательно или с **интересом** наблюдать, слушать или думать о чем-либо’ [MWD]; *інтарэс* – «асаблівая ўвага, **цікавасць**, якія праяўляюцца да каго-, чаго-небудзь» [ТСБМ]. В американском научно-популярном дискурсе в эмотивном микрополе интереса наиболее употребительными лексемами явились существительные *attention* ‘внимание’, *interest* ‘интерес’; прилагательные *interesting* ‘интересный, увлекательный’, *exciting* ‘захватывающий’, *interested* ‘заинтересованный’; глаголы *to attract* ‘привлекать, вызывать’. В классе белорусскоязычных эмотивов интереса превалируют существительные *інтарэс*, *зацікаўленасць*, прилагательные *цікавы*, *зацікаўлены*; глагол *цікавіць/зацікавіцца*; наречие *цікава*.

Второе место по степени употребительности в дискурсе на двух языках занимает лексика микрополя волнения, включающего в себя единицы с общим значением ‘волнение, беспокойство, напряжение’. В данной эмотивной зоне присутствуют слова, в определении которых есть указание на перечисленные ощущения: *distress* – «a feeling of being extremely upset or **worried**» ‘беспокойство – чувство крайнего огорчения или **тревоги**’ [CAMD]; *хваляванне* – «**нярвовая ўзбуджанасць**, выкліканая адчуваннем **трывогі**» [ТСБМ].

В отличие от американских (20,09 %) белорусские авторы менее склонны (7,3 %) употреблять эмотивную лексику со значением волнения. К наиболее употребительным единицам данного микрополя в англоязычном дискурсе относятся существительные *stress* ‘стресс’, *concern* ‘беспокойство’, *distress* ‘расстройство’. В свою очередь, белорусскоязычные авторы отдают предпочтение существительному *стрэс*. Эмотивы, входящие в микрополе волнения, наиболее характерны для статей медицинской тематики, где описываются причины заболеваний, состояния пациентов и перспективные методы лечения. Например: *Chronic **stress** stems from many circumstances, such as poverty, a bad marriage, or long-term ailments* ‘Хронический **стресс** вызван множеством причин: бедность, несчастливый брак или длительные болезни’ (Popular Science, 03.2015); *Апытанне паказала, што гульцы ў звычайную версію [«Тэтрыса»] з нарастаючай складанасцю хутка ўвайшлі ў стан патоку і выпрабавалі мінімум **стрэсу*** (Звязда, 11.12.2018).

Эмотивы микрополя удивления, куда входят лексические единицы со значением ‘удивление’, занимают достаточно высокие позиции по употребительности в научно-популярном дискурсе на английском (15,72 %) и белорусском (11,59 %) языках. В данной эмотивной зоне присутствуют слова, в определении которых есть ссылка на указанное чувство или его можно выделить при дальнейшем логическом развитии дефиниции: *surprise* – «a feeling caused by something happening suddenly or **unexpectedly**» ‘удивление – чувство, вызванное чем-то происходящим внезапно и **неожиданно**’ [OXFD], где *unexpectedly* – «in a way that **surprises** you because you were not expecting it» ‘**неожиданно** – «происходящее **удивительным**, непредвиденным образом»; *дзіўны* – «які выклікае здзіўленне, нябачаны» [ТСБМ].

Среди наиболее распространенных эмотивов микрополя удивления в научно-популярном дискурсе на английском языке выделены существительное *surprise* ‘удивление’; прилагательные *dramatic* ‘удивительный’; на белорусском – прилагательные *дзіўны, цудоўны*, наречие *дзіўна*. Эмотивная лексика со значением удивления используется в научно-популярном дискурсе с целью передачи позитивных эмоций, вызванных научными открытиями в различных областях науки и техники: *The new method produced dramatic images showing how glial cells <...> get activated in chronic-pain patients, ramping up the transmission of pain signals to the brain* ‘Новый метод позволил получить **удивительные** снимки того, как глиальные клетки <...> активируются у больных с хроническими болями, усиливая передачу болевых сигналов в мозг’ (Popular Science, 07.2015); *Прычым адбылося гэта [знаходка залатога скарбу] пры даволі дзіўных абставінах: праводзілася ўборка тэрыторыі, наскрэблі граблямі і ўбачылі старажытныя ўпрыгожанні X–XI стагоддзяў...* (Беларуская думка, 04.2017).

Микрополе страха формирует лексика с общим значением ‘страх, опасность’. К данной эмотивной зоне относится лексика, в определении которой есть указание на перечисленные ощущения: *horror* – «a feeling of great shock or **fear**» ‘ужас – ощущение большого шока или **страха**’ [OXFD]; *пагроза* – «1) запалохванне, абяцанне зрабіць непрыемнасць, зло; 2) магчымая **небяспека**» [ТСБМ]. Наиболее употребительная эмотивная лексика со значением страха в англоязычном научно-популярном дискурсе включает существительные *anxiety* ‘страх’, *fear* ‘страх’, *horror* ‘ужас’; прилагательное *fearful* ‘испуганный’. В белорусскоязычных статьях авторы активно используют существительные *пагроза, небяспека, страх*; глагол *пагражаць*; прилагательное *небяспечны*.

Микрополе страха включает эмотивы негативного характера, они встречаются главным образом в текстах медицинской и экологической тематики. Их употребление продиктовано, на наш взгляд, стремлением адресанта создать соответствующий фон эмоциональной напряженности с целью более увлекательного для читателя описания сущности научного исследования. Например: *When looking at fearful faces, donors showed a greater response in their right amygdala than a control group* ‘Глядя на **испуганные** выражения лиц, доноры испытывали более выраженную реакцию в своих правых миндалинах, чем представители контрольной группы’ (National Geographic, 01.2018); *Акрамя таго, Еўрапейская камісія патрабуе ад Польшчы рэалізацыі прыродаахоўных мерапрыемстваў, а E-40 нясе патэнцыйную пагрозу біяразнастайнасці многіх рэк* (Родная прырода, 08.2017).

На лексику микрополя спокойствия приходится всего 9,6% от общего количества эмотивных единиц в англоязычном научно-популярном дискурсе. К данному микрополю относятся лексические единицы со значением ‘спокойствие, тишина’, среди которых наиболее употребительными являются существительные *peace* ‘мир, спокойствие’, *calm* ‘спокойствие, тишина’; глагол *to quiet* ‘успокаивать’; прилагательные *calm* ‘тихий’, *peaceful* ‘мирный’.

Приведем пример определения эмотива спокойствия: *peace* – «the state of being **calm** or **quiet**» ‘мир – это состояние **тишины** и **спокойствия**» [OXFD]. В белорусскоязычном типе рассматриваемого дискурса эмотивы спокойствия малоупотребительны (2,58 %).

Употребление эмотивной лексики со значением спокойствия можно проиллюстрировать на следующих примерах: *By generating these responses, gut bacteria help maintain a **peaceful** coexistence with the immune system* ‘Генерируя такого рода реакции, кишечные бактерии способствуют поддержанию **мирного** сосуществования с иммунной системой’ (The New York Times, 02.01.2018); *Калі на Венеры і Марсе была вулканічная актыўнасць яшчэ некалькі мільёнаў гадоў таму, падобна на тое, што малютка Меркурыі **супакойўся** 3–4 мільярды гадоў таму* (Звязда, 27.01.2017).

Микрополе радости включает в себя лексические единицы с общим значением ‘радость, удовлетворение’. К данному микрополю относятся лексические единицы, в определении которых есть указание на перечисленные чувства: *relief* – «the feeling of **happiness** that you have when something unpleasant stops or does not happen» ‘облегчение – чувство **радости**, которое возникает если что-то неприятное прекращается или вообще не происходит’ [OXFD]; *шчасце* – «стан і пачуццё поўнай, найвялікшай **задаволенасці**» [ТСБМ].

В микрополе радости американского научно-популярного дискурса входят существительное *relief* ‘облегчение’; прилагательное *happy* ‘счастливый’; наречие *happily* ‘счастливо’. В белорусскоязычном дискурсе наиболее распространенными оказались существительные *шчасце*, *радасць*; прилагательные *добры*, *задаволены*; глагол *радавацца*. Следует отметить, что эмотивы со значением радости более употребительны в белорусскоязычном научно-популярном дискурсе (14,16 %), чем в англоязычном (9,17 %). Американские и белорусские авторы используют эмотивы радости и удивления, передающие позитивные эмоции, при описании достоинств научных разработок в текстах медико-биологической и научно-технической направленности: *Opiates provide **relief** because they tune our brain’s appetite for air to what our body can provide* ‘Опиаты вызывают **облегчение**, потому что «убеждают» наш мозг в достаточности того объема кислорода, что может дать наш организм’ (The New York Times, 20.07.2017); *Мы **задаволены** тым, што падобнымі распрацоўкамі [беспі-лотных авіяцыйных сістэм] займаюцца яшчэ некалькі беларускіх кампаній, у прыватнасці Баранавіцкі авіярамонтны завод, сталічныя «АГАТ» і «КБ ІНДЭЛА»* (Звязда, 11.12.2018).

Микрополе уважения составляют единицы с общим значением ‘уважение, почет’. К данной эмотивной зоне относятся слова, в определении которых есть ссылка на указанное чувство: *гонар* – ‘1) грамадская або маральная годнасць, тое, што выклікае ўсеагульную **павагу**; 2) **павага**, слава’ [ТСБМ]. Эмотивы уважения более употребительны в белорусскоязычном научно-популярном

дискурсе (9,01 % против 2,62 % в англоязычном); они представлены существительными *гонар*, *павага* и глаголом *ганарыцца*. Употребление белорусскими авторами эмотивов, входящих в микрополе уважения, демонстрирует значимость для общественности историко-археологических открытий в сфере белорусского культурного наследия: *Але дзяржаўныя дзеячы ВКЛ, да іх гонару, у той няпростай сітуацыі не аддалі свой асноўны карэнны народ пад прэс лацінізацыі, а зрабілі стаўку на яго мову, што ў многім прадвызначыла духоўны росквіт дзяржавы* (Беларуская думка, 08.2014).

Подводя итог, следует отметить сходства в употреблении классов эмотивной лексики в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках. Как в англоязычном, так и в белорусскоязычном дискурсе преобладает эмотивная лексика позитивного характера. При этом наиболее частотны эмотивы со значением интереса, использование которых позволяет адресанту успешно реализовать первостепенную задачу внедрения научных достижений в повседневную жизнь общества. Тематика текстов, где употребительны эмотивы, номинирующие положительные эмоции, довольно широка и включает в себя медицинские исследования, экологические проблемы, научно-технические достижения, а также открытия в области астрономии. Лексемы, обозначающие отрицательные эмоции страха, преимущественно встречаются в текстах медицинской тематики и используются авторами в описании научного события для создания эмоционально заряженного фона.

Среди различий в употреблении эмотивных единиц следует отметить низкую частотность лексем со значением уважения в научно-популярном дискурсе на английском языке и эмотивов с семантикой спокойствия – в дискурсе на белорусском языке. Лингвоспецифичной чертой белорусскоязычного научно-популярного дискурса является употребление всех классов эмотивной лексики позитивного характера в текстах, описывающих историко-археологические открытия в сфере белорусского культурного наследия. Данная особенность продиктована пристальным вниманием к такого рода научным знаниям со стороны общественности в контексте становления современной белорусской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 6-е изд. – М. : URSS, 2010. – 368 с.
2. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
3. *Изард, К. Е.* Эмоции человека : пер. с англ. / К. Е. Изард ; под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
4. *Ильин, Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 752 с.
5. *Фомина, З. Е.* Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / З. Е. Фомина ; Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – 66 с.
6. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. стер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2019. – 206 с.

7. Буянова, Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность в языке: механизмы экспликации и концептуализации / Л. Ю. Буянова, Ю. П. Нечай. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006. – 277 с.
8. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.
9. Егорова, Л. А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» / Л. А. Егорова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. – 2009. – № 1. – С. 42–46.
10. Муллинова, Т. А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект: на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Муллинова. – Краснодар, 2004. – 152 л.
11. Апресян, В. Ю. Эмоции : современные американские исследования / В. Ю. Апресян // Семиотика и информатика. – 1995. – Вып. 34. – С. 82–97.
12. Вайгла, Э. А. Эмоциональная лексика русского языка и проблемы ее перевода: на русско-эстонском материале : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Э. А. Вайгла ; Моск. гос. ун-т. – М., 1978. – 21 с.
13. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект : сб. / сост., вступ. ст. В. В. Петрова ; пер. с англ. и нем. под общ. ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. – М., 1995. – С. 314–394.
14. Plutchik, R. The nature of emotions / R. Plutchik // American Scientist ; Research Triangle Park. – 2011. – Vol. 89, iss. 4. – P. 344–350.
15. Коростова, С. В. Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей / С. В. Коростова / Изв. Южн. федер. ун-та. Филол. науки. – 2010. – № 3. – С. 98–107.
16. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 836 с.

СЛОВАРИ

- CAMD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / ed. : E. Walter [et al.]. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 1572 p.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко ; афармленне А. М. Хількевіча. – 3-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
- OXFD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary / ed. by J. Turnbull. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 1796 p.
- MWD – The Merriam-Webster Dictionary for Large Print Users. – London : George Prior Publ., 1977. – 1119 p.

The article defines the classes of emotive lexical units, frequency of their use, as well as their similarities and differences in English and Belarusian popular science discourse. The analysis unveils two classes of emotive lexis, namely, the emotives of state (fear, happiness,

worry, calm, and surprise) and the emotives of attitude (interest and respect). Positive emotive lexis prevails in both English and Belarusian popular science discourse. Lexical units expressing a negative emotion of fear are used for establishing an emotionally charged background in a medicine-related narrative.

Поступила в редакцию 27.02.2020

Лю Пэн

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ 上 SHàng ‘ВЕРХ’ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности концептуализации пространства при помощи лексической единицы 上 shàng ‘верх’ в китайском языке; установлен спектр переводных эквивалентов данной единицы в русском языке, определены типы пространственных ситуаций, которые в китайском языке вербализуются посредством 上 shàng. Выявлена тенденция к преимущественному структурированию пространственных ситуаций по оси «верх – низ» в китайском языке и фиксации отношений включения либо дистантных при описании тех же ситуаций в русском языке. Установлены различия в выборе исходной точки ориентации при описании пространства в русском и китайском языках. Определена тенденция к «геометрическому» отражению пространственных отношений в китайском языке и идиоматизации предложных конструкций с пространственным значением в русском языке.

Китайская культура и язык имеют долгую историю. Типологически китайский язык очень отличается от европейских языков. С учетом различий в культурных традициях это делает данный язык особенно трудным для изучения и понимания. Исследования китайского языка, которые бы позволили получить представление о его особенностях среди других языков мира, в Китае, в отличие от западных стран, не развивались. В наши дни такое положение дел быстро меняется в связи с развитием китайской экономики, политики, культуры, образования и т.д. В настоящее время все больше и больше китайских лингвистов концентрируются на изучении широкого круга лингвистической проблематики на материале разных языков мира. К числу таких проблем относится специфика пространственной картины мира, репрезентированной в единицах китайского языка. Если исследование способов репрезентации пространства в языке является для западноевропейской лингвистики традиционной и активно разрабатываемой темой, то для китайского языкознания это направление достаточно новое. Несмотря на наличие некоторого числа работ китайских исследователей, посвященных изучению особенностей вербализации пространственных категорий в китайском языке (см., например, труды Янь Хаовэня, Го Женчжун [1, с. 358–360;